

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Рассказы Джеймса Хэрриота
оставляют ощущение чуда.
Их можно перечитывать бесконечно...

Amazon

Кошачьи истории

Азбука-бестселлер

Джеймс Хэрриот
Кошачьи истории

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хэрриот Д.

Кошачьи истории / Д. Хэрриот — «Азбука-Агтикус»,
1994 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-20699-1

Имя Джеймса Хэрриота, автора книги «О всех созданиях – больших и малых», а также других произведений, ставших мировыми бестселлерами, известно сегодня во всем мире. Сборники его рассказов переведены на десятки языков, по ним снято несколько фильмов и популярный телесериал. Добродушный юмор, меткая наблюдательность и блестящий дар рассказчика Джеймса Хэрриота продолжают завоевывать все новых читателей, не переставая удивлять, насколько истории из практики сельского лекаря могут быть увлекательными и интересными. В настоящем сборнике автор представил рассказы, посвященные исключительно кошкам, занимавшим особое место в его жизни. И даже профессию ветеринара Хэрриот выбрал отчасти из-за своих пушистых подружек. По признанию автора, он всегда их любил, с благодарностью принимая ту глубокую привязанность, которой кошки отвечают на ласку, и восхищаясь их врожденной грациозностью, неподражаемым изяществом и неумной шаловливостью – постоянным источником радости для хозяев.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20699-1

© Хэрриот Д., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Вступление	7
Альфред. Кот при кондитерской	10
Оскар. Светский кот	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джеймс Хэрриот Кошачьи истории

James Herriot

JAMES HERRIOT'S CAT STORIES

Copyright © The James Herriot Partnership, 1994

All rights reserved

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2000

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Вступление

Кошки всегда занимали большое место в моей жизни, и когда я рос в Глазго, и когда занимался ветеринарной практикой среди холмов Йоркшира. Вот и теперь, когда я ушел на покой, они по-прежнему делают мои дни светлее.

Собственно, даже профессию ветеринара я выбрал отчасти из-за них. Мои школьные годы прошли под знаком Дона, великолепного ирландского сеттера. Без малого четырнадцать лет мы с ним бродили по шотландским холмам, но когда возвращались с прогулок домой, меня всегда радостно встречали мои кошки – выгибая спины, вились у моих ног, мурлыкали, терлись мордочками о мои руки.

Дома у нас постоянно жили кошки, и каждая обладала своим особым обаянием. Я любил их всех за врожденную грациозность, неподражаемое изящество, за глубокую привязанность, которой они отвечали на ласку, и мечтал о том дне, когда, поступив в Ветеринарный колледж, буду знать о них все. Их шаловливость также служила постоянным источником радости. Например, Топси – проказница, всегда готовая затеять игру. Вот она бочком, пританцовывая и лукаво насторожив ушки, подбирается к Дону. Он не выдерживает, прыгает на нее, и начинается веселая возня.

Порой та или иная кошка заболела, к ней вызывали ветеринара, и я взирал на него с робким благоговением: ведь он досконально изучил всю кошачью породу, знал каждый их нерв, каждую косточку, каждую мышцу!

И я был ошеломлен, когда, став студентом, обнаружил, что мои возлюбленные кошки абсолютно не интересуют светил ветеринарии. Мои учебники включали солиднейший том – «Анатомию домашних животных» Сиссона. Снимать его с полки было нелегкой задачей, а носить с собой и подавно. Я с нетерпением перелистал его страницы, изобиловавшие изображениями внутренностей лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки – строго в этом порядке. Собаку втиснули туда с заметным трудом, а кошку мне вообще обнаружить не удалось. Отчаявшись, я заглянул в указатель.

На «С» – ничего. А! Наверное, следует искать на «F»: *Felis catus* – кошка домашняя. Но и тут меня подстерегало разочарование, и я был вынужден с грустью прийти к заключению, что мои бедные пушистые подружки не удостоились даже беглого упоминания.

Я никак не мог взять это в толк. А как же тысячи старичков и старушек, не говоря уж о прикованных к постели хронических больных, которые черпают радость и утешение в любви своих кошек? Ведь других четвероногих друзей они просто не в состоянии держать. О чем думают именитые светила моей науки? Да они попросту отстали от времени. «Анатомия» Сиссона вышла в 1910 году и переиздавалась вплоть до 1930 года – это-то еще пахнущее типографской краской издание я и штудировал в мои студенческие годы. И хотя моя профессиональная жизнь прошла главным образом в лечении крупных животных, мечтал-то я стать собачьим доктором. Однако колледж я окончил в разгар Великой депрессии тридцатых годов, когда найти хоть какую-то работу по специальности было великой удачей, – вот мне и пришлось трудиться в резиновых сапогах среди холмов Северного Йоркшира. Трудился я так пятьдесят лет и наслаждался каждой минутой. Однако вначале я полагал, что мне будет очень не хватать моих кошек.

Но я ошибся. Кошек там было полным-полно. На каждой ферме они имелись во множестве – истребляли мышей и в условиях деревенской свободы вели полноценную кошачью жизнь. Кошки – великие ценители комфорта, и, осматривая корову, я частенько обнаруживал в сене уютное гнездышко с котятками, усердно сосущими мать. То они спали, свернувшись клубком среди тючков соломы, то нежились на солнышке в каком-нибудь укромном уголке. Для этих любительниц тепла нагретый капот моей машины оказывался в студенческие зимние дни

непреодолимым соблазном. Не успевал я вылезти из машины, как на ней уже восседала парочка кошек. Многие фермеры попросту любили кошек, и в их дворах, возвращаясь к машине, я обнаруживал, что неожиданным теплом на ней наслаждаются десятка два пушистых созданий. Нагретый металл до последнего дюйма был испещрен отпечатками грязных лапок. Эти узоры быстро высыхали, а поскольку у меня не было ни времени, ни желания мыть машину, они оставались ее постоянным украшением.

Да и в нашем городке, бывая по вызовам в скромных домишках, я часто видел старика или старушку с кошкой, свернувшейся у них на коленях или восседающей возле них у очага. В старости такая дружба значит очень много.

Иными словами, в кошках недостатка не было, и тем не менее в нашей на – уже в те годы места для них не находилось. Но постепенно положение начинало изменяться. Преподаватели в ветеринарных колледжах стали включать кошек в свои лекции, и я усердно расспрашивал студентов, проходивших у нас практику, а позднее, когда мы обзавелись молодыми помощниками, которых распирало от свежеполученных знаний, я набрасывался и на них. Да и в ветеринарных журналах все чаще появлялись статьи о кошках, и я старался не пропустить ни одной.

Так продолжалось пятьдесят с лишним лет моей ветеринарной жизни, и теперь, на покое, я часто оглядываюсь назад и думаю о произошедших за это время переменах. Признание кошек, естественно, было лишь малой толикой на фоне подлинного взрыва, преобразившего мою профессию. Появление антибиотиков, покончивших с почти средневековыми снабдочьями, какие приходилось выписывать, новые хирургические методики и вакцины – все это кажется сбывшейся мечтой.

Сегодня кошки стали, пожалуй, наиболее популярными четвероногими друзьями. Именитые ветеринары пишут о них солидные тома, а многие – так просто специализируются на кошках.

На столе, за которым я пишу, выстроился длинный ряд учебников моей далекой юности. Среди них высится и Сиссон, по-прежнему импозантный, и все остальные, которые я сохраняю для освежения воспоминаний о былом, а то и просто чтобы посмеяться, когда приходит такое настроение. Однако бок о бок с ними стоят прекрасные новые книги, посвященные кошкам, и только кошкам.

Вспоминаются мне и странные представления некоторых людей о кошках. Дескать, это эгоистичнейшие создания, корыстные в своих привязанностях и неспособные на самоотверженную любовь, которую дарит своему хозяину собака. Они сосредоточены исключительно на себе и заботятся только о собственных интересах. Какая чепуха! Кошки терлись мордочками о мои щеки, гладили мое лицо лапками с тщательно втянутыми когтями. Это ли не проявление любви?

Сейчас у нас в доме кошек нет, потому что наш бордер-терьер Боди их не жалует и обожает гоняться за ними. Впрочем, в погоню он бросается, только если они сами пускаются наутек, поскольку, хотя Боди и рвется в бой с любым псом – и маленьким, и большим, кошек он втайне побаивается. Если кот принимает воинственную позу, Боди обходит его далеко стороной. Но когда он спит – а в свои тринадцать лет он любит поспать подольше, – нас навещают соседские кошки и усаживаются на невысокой опорной стенке перед окном кухни – посмотреть, какое угощение им перепадет на этот раз.

Мы приберегаем для них всякие лакомства, которые раскладываем на стенке, однако великолепный бело-рыжий кот предпочитает ласку любым яствам. Порой мне приходится прямо-таки драться с ним, чтобы он в своем стремлении уткнуться носом мне в ладонь под громкое мурлыканье не выбил у меня из рук картонку с угощением. И я вынужден гладить его, почесывать и щекотать под подбородком, чего он и добивается.

По-моему, отойдя от дел, ни в коем случае не следует возвращаться туда, где протекала твоя трудовая жизнь. Разумеется, Скелдейл-хаус для меня нечто несравненно большее. Это

место тысяч и тысяч воспоминаний, где я делил свои холостые дни с Зигфридом и Тристаном, где я начал свою семейную жизнь и видел, как мои дети из младенцев становятся взрослыми, и полвека торжествовал победы и терпел поражения, неотъемлемые от ветеринарной практики. Но я заглядываю туда только затем, чтобы забрать мою почту, ну и, конечно, мельком посмотреть, как идут дела.

Моя практика перешла к моему сыну Джимми и его замечательным молодым партнерам. Недавно я посидел в приемной, наблюдая за непрерывным потоком мелких животных, которых приводили и приносили для осмотра, операций, прививок. Как не похоже это на первые годы моей работы, когда на девяносто процентов нашими пациентами были лошади, крупный рогатый скот и овцы.

После я спросил у Джимми:

– С какими животными вам приходится иметь дело чаще всего?

Он на секунду задумался, а потом ответил:

– Пожалуй, с собаками и кошками – пятьдесят на пятьдесят, но, по-моему, кошки начинают вырваться вперед.

Альфред. Кот при кондитерской

Горло, казалось, вот-вот меня доконает. Три ночных окота подряд на открытых всем ветрам склонах завершились сильнейшей простудой. Да и работал я, естественно, без пиджака, а потому теперь действительно и незамедлительно нуждался в леденцах от кашля Джеффри Хатфилда. Бесспорно, лечение не слишком научное, но я по-детски верил в силу этих леденчиков, которые во рту взрывались и загоняли в бронхи целительные пары.

Лавочка пряталась в тихом переулке и была такой крохотной, что над окном еле-еле достало места для вывески «Джеффри Хатфилд, кондитер». Но в маленьком помещении яблоку негде было упасть – как всегда. Хотя, поскольку день был рыночный, теснота, пожалуй, превосходила обычную.

Когда я открыл дверь, чтобы вклиниться в гущу городских дам и фермерских жен, колокольчик над ней мелодично звякнул. Мне пришлось подождать, но я ничего не имел против, так как наблюдать мистера Хатфилда за работой всегда было наслаждением.

И вошел я в самый удачный момент – владелец как раз пытался в душевных муках решить, что именно требуется его клиентке. Он стоял спиной ко мне, слегка кивая седовласой львиной головой, крепко сидящей на широких плечах, и озирал высокие банки со сладостями у стены. Заложенные за спину руки то напрягались, то расслаблялись, отражая внутреннюю борьбу. Затем он прошел вдоль ряда банок, внимательно вглядываясь в каждую. «Лорд Нельсон, – решил я, – расхаживая по квартердеку „Виктории“ в размышлении о том, какую тактику боя избрать, вряд ли выглядел столь сосредоточенным».

Наконец мистер Хатфилд протянул руку к банке, и напряжение внутри лавочки достигло апогея. Но, покачав головой, он опустил руку. Затем все покупательницы испустили дружный вздох – еще раз кивнув, мистер Хатфилд простер руки, взял соседнюю банку и повернулся к обществу. Крупное лицо римского сенатора осветила благожелательная улыбка.

– Ну-с, миссис Моффат, – прогремел он почти на ухо почтенной матроне, сжимая стеклянный сосуд в обеих ладонях с изяществом и благоговением ювелира, открывающего футляр с бриллиантовым колье. – Поглядите, не заинтересует ли вас вот это?

Миссис Моффат покрепче вцепилась в сумку с покупками и прищурилась на конфеты в обертках за стеклом банки.

– Ну, я... то есть мне... – начала она.

– Если, сударыня, память мне не изменяет, вы изъявили желание приобрести что-нибудь похожее на русскую карамель, и я весьма рекомендую вам эти конфеты. Не совсем русские, но очень приятные на вкус жженные леденцы. – Его лицо выражало терпеливое ожидание.

Сочный голос, смакующий прелести этих леденцов, вызвал у меня бурное желание схватить их и сожрать не сходя с места. Покупательница, видимо, находилась под тем же впечатлением.

– Ладно, мистер Хатфилд, – поспешно сказала она. – Взвесьте мне полфунта.

Лавочник слегка поклонился.

– Благодарствую, сударыня. Не сомневаюсь, вы останетесь довольны своим выбором. – Его лицо вновь озарилось благожелательной улыбкой, и пока он ловко сыпал леденцы на весы, а затем завертывал их с профессиональной сноровкой, мне вновь пришлось бороться с желанием добраться до них.

Мистер Хатфилд уперся обеими ладонями в прилавок, наклонился вперед и проводил покупательницу любезным поклоном, присовокупив:

– Желаю вам наилучшего, сударыня! – Потом он обернулся к своим верным посетительницам. – А, миссис Доусон, как приятно вас видеть! Так что же вам угодно нынче утром?

Дама просияла улыбкой неподдельного восторга.

– Я бы взяла шоколадок с начинкой. Ну, тех, которые брала на той неделе, мистер Хатфилд. Очень вкусные! Они у вас еще есть?

– О да, сударыня. Я весьма польщен, что вы одобрили мой совет. Такой нежный, такой восхитительный вкус! И я как раз получил партию в пасхальных коробках. – Он снял с полки коробку и покачал ее на ладони. – Просто прелесть, вы не находите?

Миссис Доусон закивала:

– Очень красивенькая. Я беру коробку. А еще мне нужно побольше карамелек, полный пакет, пусть ребятишки погрызут. И разного цвета, понимаете? Что у вас есть?

Мистер Хатфилд сложил пальцы домиком, пристально посмотрел на нее и глубоко, задумчиво вздохнул. В этой позе он оставался несколько секунд. Потом повернулся, заложил руки за спину и вновь начал инспектировать банки.

Эта часть ритуала мне особенно нравилась, и, как обычно, я получил огромное удовольствие, хотя наблюдал подобные сцены несчетное количество раз.

Тесная лавочка, набитая покупательницами, хозяин, решающий, что порекомендовать, и величественно восседающий у дальнего конца прилавка Альфред.

Альфред, кот Джеффа, неизменно занимал это место на полированной доске возле занавешенного входа в гостиную мистера Хатфилда. И сейчас он, как обычно, словно бы с горячим интересом следил за происходящим, переводя взгляд с хозяина на покупательницу, и (хотя, бесспорно, это могло мне лишь чудиться) выражение на его морде свидетельствовало о том, что он принимает переговоры близко к сердцу и испытывает глубочайшее удовлетворение при их успешном завершении. Альфред никогда не покидал своего поста и никогда не посягал на остальной простор прилавка. А если какая-нибудь покупательница почесывала его за ухом, он отвечал гулким мурлыканьем и милостиво наклонял голову.

Естественно, Альфред никогда не допускал некорректных выражений своих чувств. Это было бы нарушением достоинства, а достоинство давно уже стало его неизменным свойством. Даже котенком он избегал неумеренной шаловливости. Три года назад я его охолостил (по-видимому, он не держал на меня зла), и с тех пор он обрел массивность и благодушие. Я залюбовался им: огромный, невозмутимый, в мире со всем, что его окружало, – бесспорно, он был образцом кошачьей внушительности.

И всякий раз, думая об этом, я поражался, насколько он походит на своего хозяина. Оба были одного покроя, и понятно, что их связывала преданнейшая дружба.

Когда подошла моя очередь, я дотянулся до Альфреда и пощекотал его под подбородком. Ему это понравилось: он откинул голову, басистое мурлыканье сотрясло грудную клетку и разнеслось по всей лавочке.

Даже покупка леденцов от кашля обставлялась особым церемониалом. Хозяин лавочки торжественно понюхал пакетик и похлопал себя по груди. – У них и запах-то благотворный, мистер Хэрриот. Излечат вас в один момент. – Он поклонился, улыбнулся, и могу поклясться, что Альфред улыбнулся вместе с ним.

Я снова протиснулся между покупательницами к выходу и, шагая по переулку, в который раз поразился феномену Джеффри Хатфилда. В Дарроуби было несколько кондитерских лавок. Больших, с красивыми витринами, но ни одна не торговала так бойко, как тесная лавочка, которую я только что покинул. Безусловно, причиной было уникальное обхождение Джеффа с покупателями. И ведь он вовсе не разыгрывал спектакль: суть заключалась в его любви к своему занятию, в искренности, с которой он все делал.

Любезные манеры и «благородная» дикция Джеффри Хатфилда вызывали непочтительные насмешки у мужчин, которые некогда окончили вместе с ним местную школу. В трактирах его часто именовали епископом, но добродушно, так как все относились к нему хорошо. Ну а покупательницы были от него без ума и посещали его лавочку, чтобы поблаженствовать в лучах его внимания.

Примерно через месяц я снова зашел в лавочку купить лакричной карамели для Розы и увидел привычную картину: Джефффри отвешивал поклоны, улыбался и звучно басил. Альфред следил со своего места за каждым его движением, и оба выглядели воплощением достоинства и благодушия. Когда я забрал свою упаковку, Джефф шепнул мне на ухо:

– В двенадцать я закроюсь на обед, мистер Хэрриот, не будете ли вы так добры зайти ко мне осмотреть Альфреда?

– Разумеется. – Я взглянул на величавого кота в конце прилавка. – Он заболел?

– Нет-нет... просто, по-моему, что-то не совсем ладно.

В назначенный час я постучался в запертую дверь, и Джефффри впустил меня в лавочку, против обыкновения пустую, и провел в гостиную за занавешенной дверью. Там за столом сидела миссис Хатфилд и пила чай. Она была куда более земной натурой, чем ее муж. – А, мистер Хэрриот! Пришли посмотреть котика?

– Ну какой же он котик! – засмеялся я.

И бесспорно, Альфред, устроившийся возле топящегося камина, выглядел даже массивнее обычного. Теперь он отвел спокойный взгляд от огня, встал, неторопливо прошествовал по ковру и, выгнув спину, потерся о мои ноги.

Я почувствовал, что мне оказана большая честь.

– Настоящий красавец, верно? – сказал я с улыбкой. Я уже давно не видел его вблизи, и дружелюбная мордочка в черных полосках, сходящихся возле умных глаз, показалась мне особенно симпатичной. – Да, – добавил я, поглаживая пушистую шерсть, блестящую в бликах огня, – ты очень большой и красивый. – Я повернулся к мистеру Хатфилду. – Выглядит он прекрасно. Что вас встревожило?

– Может, это пустяки. Он вроде бы совсем такой, как был, но вот уже неделю я замечаю, что ест он не так охотно, не с прежним аппетитом. Он не то чтобы болен... а какой-то не такой.

– Так-так. Давайте-ка осмотрим его.

Я очень тщательно осмотрел кота. Температура нормальная, слизистые здорового розового цвета. Я достал стетоскоп, прослушал легкие и сердце, но ничего ненормального не услышал. Пальпация брюшной полости тоже ничего не подсказала.

– Что же, мистер Хатфилд, – произнес я, – у него все как будто в порядке. Не исключено, что он немного сдал. Хотя по его виду этого не скажешь. На всякий случай я сделаю ему витаминную инъекцию. Она его подбодрит. Если через несколько дней ему не станет лучше, свяжитесь со мной.

– От души вам благодарен, сэр. Весьма. Вы меня успокоили. – Он погладил своего любимца. Уверенность в звучном голосе плохо вязалась с озабоченностью, написанной на его лице. Глядя на человека и кота, я вновь почувствовал, как они похожи своей внушительностью.

С неделю я ничего про Альфреда не слышал и решил, что он поправился. Но вскоре мне позвонил его хозяин.

– Он все такой же, мистер Хэрриот. Вернее, ему стало чуть похуже. Буду весьма обязан, если вы опять его посмотрите.

И снова то же самое. Ничего определенного даже при самом тщательном осмотре. Я назначил Альфреду курс минеральных и витаминных таблеток. Начинать лечение антибиотиками не имело смысла: температура оставалась нормальной и ни малейших признаков какой-либо инфекции не обнаружилось.

Мимо переулка я проходил каждый день – до него от Скелдейл-хауса было шагов сто – и теперь обязательно заглядывал в окно лавочки. И каждый день видел знакомую картину: Джефф улыбается и отвешивает поклоны дамам, Альфред восседает на обычном месте в конце прилавка. Все выглядело нормально, и тем не менее... Нет, кот, несомненно, в чем-то изменился.

Как-то вечером я зашел и осмотрел его еще раз.

– Он худеет, – сказал я.

Джефффри кивнул:

– Да, я замечаю. Ест он неплохо, но меньше, чем прежде.

– Продержите его на таблетках еще несколько дней, и, если ему не станет лучше, я заберу его к себе, чтобы провести полное обследование.

У меня было неприятное предчувствие, что улучшение не наступит. Так и оказалось, а потому однажды вечером я пришел в лавочку с кошачьей клеткой. Альфред был таким огромным, что посадить его в клетку оказалось очень непросто, однако он и не думал сопротивляться, пока я осторожно закинул его внутрь.

В операционной я взял кровь на анализ и сделал рентген легких. Снимок был абсолютно чистым, в крови не оказалось никаких отклонений.

Можно было бы и успокоиться, однако кот продолжал хиреть. Следующие недели превратились в кошмар. Я по-прежнему ежедневно заглядывал в окно лавочки, и это стало для меня тяжелым испытанием.

Огромный кот все еще восседал на своем месте, но худел и худел, так что вскоре стал неузнаваемым. Я испробовал все препараты и методы, какие только знал, но без толку. Я попросил Зигфрида осмотреть кота, но он встал в такой же тупик, что и я.

Непрерывная потеря веса – порой симптом злокачественной опухоли, однако новые рентгеновские снимки ничего подобного не выявили. Полагаю, Альфред был по горло сыт тем, что его постоянно куда-то утаскивают, колют и мнут ему живот, но ни разу не запротестовал. Спокойно мирился со всем, как это было у него в обычае.

Ситуацию резко ухудшал еще один фактор: Джефф не выдержал постоянного напряжения и буквально таял на глазах. Румяные полные щеки поблекли и запали, а главное – за прилавком его словно подменили: от эффектной манеры торговать не осталось и следа.

Однажды я не удовольствовался тем, чтобы заглянуть в лавку через окно, а вошел и протиснулся к прилавку между дамами. Зрелище было устрашающее.

Джефф, согбенный, иссохший, слушал покупательницу даже без улыбки, апатично ссыпал сласти в пакет и бормотал что-то невнятное. Ни звучного баса, ни счастливого щебета покупательниц. Обычная кондитерская лавка, как всякая другая.

Печальнее всего выглядел Альфред. Он все еще с достоинством сидел на своем месте, но худой до невероятия. Шерсть утратила былой блеск. Он смотрел прямо перед собой мертвыми глазами, словно его ничего больше не интересовало. Не кот, а пугало в обличье кота.

Я не выдержал и в тот же вечер зашел к Джеффу Хатфилду.

– Сегодня я видел вашего кота. Его состояние стремительно ухудшается. Нет ли каких-нибудь новых симптомов?

Джефф уныло кивнул:

– Да, появились. Как раз думал вам позвонить. Его рвать начало.

Мои ногти болезненно впились в ладони.

– Еще и это! Все указывает на какое-то внутреннее расстройство, а отыскать ничего не удается! – Я нагнулся и погладил Альфреда. – На него просто больно смотреть. Помните, какая блестящая была у него шерсть? А теперь!

– Верно, – ответил Джефф. – Совсем перестал следить за собой. Даже не умывается. Словно ему не до этого. А прежде умывался без конца: вылизывает себя, вылизывает, ну просто часами.

Я уставился на него. У меня в мозгу вспыхнула какая-то искра. «Вылизывает себя, вылизывает...» Я задумался.

– Да-а... Пожалуй, я не встречал кота, который умывался бы так усердно, как Альфред... – Искра разгорелась пламенем, я даже подскочил на стуле.

– Мистер Хатфилд! – вырвалось у меня. – Я хочу сделать диагностическую лапаротомию.

– Что-что?

– По-моему, он нализал себе волосяной шар, и я хочу сделать проверочную операцию.

– Живот ему разрезать?

– Совершенно верно.

Джефф прикрыл глаза ладонями и опустил голову.

Он оставался в этой позе долгое время, а потом устремил на меня измученный взгляд.

– Право уж, не знаю. Я ни о чем таком даже не думал.

– Необходимо принять меры! Иначе кот погибнет.

Джефф нагнулся и погладил Альфреда по голове.

Один раз, другой, третий... А потом пробормотал хрипло, не поднимая глаз:

– Ну ладно. А когда?

– Завтра утром.

Когда на другой день в операционной мы с Зигфридом наклонились над усыпленным котом, мысли у меня в голове путались. Последние годы мы часто оперировали мелких животных, но мне всегда было ясно, чего следует ожидать. Теперь же у меня возникло ощущение, что я вторгаюсь в неведомое.

Я сделал надрез, рассек брюшные мышцы, брюшину и, когда прошел диафрагму, нащупал в желудке тестообразную массу. Я рассек стенку желудка, и сердце у меня взвырвало. Вот он! Большой комок спутанных волосков, причина всех бед. Нечто не запечатлевающееся на рентгеновских снимках.

Зигфрид усмехнулся:

– Ну вот мы и убедились.

– Да, – ответил я, испытывая невыразимое облегчение. – Вот мы и убедились.

Но это оказалось еще не все. Очистив и зашив желудок, я обнаружил комки поменьше, в нескольких местах закупорившие кишки. Их все необходимо было удалить, а значит – наложить на кишки несколько швов. Мне это очень не понравилось: дополнительная травма и шок. Но в конце концов операция завершилась, и виден был лишь аккуратный шов на животе.

Когда я отнес Альфреда к нему домой, Джефф долго не решался на него взглянуть. Наконец он робко покосился на кота, еще не проснувшегося после операции, и прошептал:

– Он выживет?

– Скорее всего, – ответил я. – Операцию он перенес тяжелую, и, чтобы оправиться после нее, ему потребуется время. Но он молод, силен, и оснований тревожиться нет никаких.

Я увидел, что не убедил Джеффа. Это подтверждалось, когда я приходил делать Альфреду инъекции пенициллина. Джефф не сомневался, что Альфред непременно погибнет.

Миссис Хатфилд смотрела на вещи с большим оптимизмом, но беспокоилась за мужа.

– Он последнюю надежду потерял, – сказала она. – Потому только, что Альфред весь день не встает с постели. Я ему твержу, что кот не может вот так сразу вскочить и запрыгать, но он и слушать не хочет. – Она посмотрела на меня с тревогой. – И знаете, мистер Хэрриот, он совсем измучился. Его просто узнать нельзя. Я даже боюсь, что он таким и останется.

Я подошел к занавешенной двери и заглянул в лавку. Джефф стоял за прилавком мрачный, двигаясь точно автомат. Он отвешивал конфеты без единой улыбки, а если и говорил что-то, то с безжизненной монотонностью. В ошеломлении я обнаружил, что его голос совсем утратил былой звучный тембр. Миссис Хатфилд была права: его нельзя было узнать. А если он действительно не станет прежним – что будет с торговлей? До сих пор его покупательницы хранили ему верность, но меня томило предчувствие, что продлится это недолго.

Прошла неделя, прежде чем появились перемены к лучшему. Я вошел в гостиную, но Альфреда там не оказалось.

Миссис Хатфилд вскочила с кресла. – Ему много лучше, мистер Хэрриот, – радостно сказала она. – Ест всю и запросился в лавку. Он сейчас там с Джеффом.

И я вновь посмотрел в щелку между портьерами. Альфред сидел на обычном месте. Тощий до ужаса.

Но сидел он прямо. Однако его хозяин выглядел все так же скверно. Я отвернулся от двери.

– Что же, миссис Хатфилд, больше мне приходить не нужно. Ваш кот выздоравливает и скоро будет совсем таким, как раньше.

Да, в отношении Альфреда я испытывал полную уверенность, но не в отношении Джеффа.

Затем, как повторялось ежегодно, меня совсем поглотила кутерьма весеннего окота со всеми его прелестями. Ни о чем другом думать времени у меня не было.

Прошло, наверное, недели три, прежде чем я снова заглянул в кондитерскую лавку купить шоколад для Хелен. Теснота внутри была страшная, и пока я пробирался к прилавку, на меня нахлынули прежние страхи. Я боязливо посмотрел на человека и на кота.

Альфред, вновь массивный и полный достоинства, восседал в дальнем конце прилавка, как монарх, а Джефф, опираясь ладонями на прилавок, наклонялся вперед и заглядывал в лицо покупательнице.

– Насколько я вас понял, миссис Херд, вам требуется какой-то сорт мягких конфет. – Звучный бас заполнил лавочку. – Не рахат ли лукум имеете вы в виду?

– Нет, мистер Хатфилд, совсем не то.

Джефф опустил голову на грудь и с предельной сосредоточенностью уставился в сверкающий прилавок. Потом поднял лицо и приблизил его к лицу дамы.

– Возможно, пастила?

– Нет... не то.

– Трюфели? Помадка? Мятный крем?

– Да нет. И непохоже даже.

Джефф выпрямился. Да, задачка оказалась не из легких. Он скрестил руки на груди, уставился в пространство и сделал могучий вдох, который я так хорошо помнил. Тут я понял, что он стал прежним. Широкие плечи расправлены, на полных щеках играет румянец.

Его размышления ни к чему не привели. Он выставил подбородок и откинул голову, ища вдохновения на потолке. Альфред, заметил я, тоже посмотрел на потолок.

Джефф застыл в этой позе, и в лавочке воцарилась напряженная тишина. Затем медленная улыбка озарила благородные черты. Он поднял палец.

– Сударыня, – сказал он, – думается, я понял. Беловатые, сказали вы... а иногда розоватые. Очень мягкие. Могу ли я предложить вам суфле из алтея?

Миссис Херд хлопнула ладонью по прилавку:

– Вот-вот, мистер Хатфилд! Ну забыла название, хоть убейте.

– Ха-ха! Так я и предполагал, – пробасил хозяин лавочки, и его голос органными звуками отразился от потолка.

Джефф засмеялся, дамы засмеялись, и, готов поклясться, засмеялся Альфред.

Прежнее вернулось. Все находившиеся в лавке были счастливы – Джефф, Альфред, дамы и, отнюдь не меньше остальных, Джеймс Хэрриот.

Оскар. Светский кот

Как-то вечером, в конце весны, когда мы с Хелен еще жили в квартирке под крышей Скелдейл-хауса, из коридора далеко внизу донесся вопль Тристана:

– Джим! Джим!

Я выбежал на площадку и перегнулся через перила:

– Что случилось, Трис?

– Извини, Джим, но не мог бы ты спуститься на минуту? – Его обращенное вверх лицо было встревоженным.

Я сбегал по длинным маршам, перепрыгивая через две ступеньки, и когда, немного запыхавшись, добрался до Тристана, он поманил меня за собой в операционную в дальнем конце коридора. Там у стола стояла девочка лет четырнадцати, придерживая свернутое одеяло, все в пятнах.

– Кот! – сказал Тристан, откинув край одеяла, и я увидел крупного трехцветного кота. Вернее, он был бы крупным, если бы его кости были одеты нормальным покровом мышц и жира, но таз и ребра выпирали сквозь шерсть, и когда я провел ладонью по неподвижному телу, то ощутил только тонкий слой кожи.

Тристан кашлянул:

– Тут другое, Джим.

Я с недоумением посмотрел на него. Против обыкновения, он был совершенно серьезен. Осторожно приподняв заднюю лапу, он передвинул кота так, что стал виден живот. Из глубокой раны наружу жутковатым клубком вывалились кишки. Я еще ошеломленно смотрел на них, когда девочка заговорила:

– Я увидела этого кота во дворе Браунов, когда уже совсем темно было. Я еще подумала, что он очень уж тощий и какой-то смирный. Нагнулась, чтобы его погладить, и тут увидела, как его изуродовали. Сбегала домой за одеялом и принесла его к вам.

– Молодчина, – сказал я. – А вы не знаете, чей это кот?

Она покачала головой:

– Нет. По-моему, он бродячий.

– Да, похоже... – Я отвел глаза от страшной раны. – Вы ведь Марджори Симпсон?

– Да.

– А я хорошо знаю вашего отца. Он наш почтальон, верно?

– Ага! – Она попыталась улыбнуться, но губы у нее дрожали. – Ну так я пойду. Вы его усыпите, чтобы он не мучился, правда? Ведь вылечить такое... такое нельзя?

Я покачал головой. Глаза девочки наполнились слезами, она тихонько погладила тощий бок и быстро пошла к двери.

– Еще раз спасибо, Марджори, – сказал я ей вслед. – И не тревожьтесь, мы сделаем для него все, что можно.

Мы с Тристаном молча уставились на растерзанное животное. В ярком свете хирургической лампы было хорошо видно, что его буквально выпотрошили. Вывалившиеся кишки были все в грязи.

– Как по-твоему, – спросил наконец Тристан, – его переехало колесом? – Может быть, – ответил я. – Но не обязательно. Попался в зубы большому псу, а то кто-нибудь пнул его или ткнул острой палкой. С кошками всякое бывает: ведь некоторые люди считают их законной добычей для любой жестокости.

Тристан кивнул:

– Ну да он все равно подышал с голоду. От него один скелет остался. Его дом наверняка где-нибудь далеко.

– Что же, – сказал я со вздохом. – Остается одно. Кишки ведь в нескольких местах порваны. Безнадёжно.

Тристан только тихонько присвистнул, водя пальцем по пушистому горлу. И – невероятная вещь! – мы вдруг услышали слабое мурлыканье.

– Господи, Джим! – Тристан поглядел на меня округлившимися глазами. – Ты слышишь?

– Да... поразительно. Наверное, ласковый был кот.

Тристан, низко наклонив голову, почесывал кота за ухом. Я догадывался, что он чувствует: хотя к нашим пациентам он относился словно бы с добрым безразличием, обмануть меня ему не удавалось, и я знал, что к кошкам он питает особую слабость. Даже теперь, когда мы оба разменяли седьмой десяток, он частенько описывает за кружкой пива проделки своего старого кота. Отношения между ними весьма типичны: оба немилосердно изводят друг друга, но связывает их самая нежная дружба.

– Что делать, Трис, – произнес я мягко. – Другого выхода нет.

Я потянулся за шприцем, но мне стало как-то неприятно втыкать иглу в это изуродованное тело, и я прикрыл голову кота краем одеяла.

– Полей сюда эфиром, – сказал я. – Он уснет, и все.

Тристан молча отвинтил крышку флакона с эфиром и поднял его. И тут из бесформенных складок снова донеслось мурлыканье. Оно становилось все громче, словно где-то вдали урчал мотоцикл.

Тристан окаменел. Пальцы напряженно сжимали флакон, глаза уставились на одеяло, из которого доносились эти дружелюбные звуки.

Потом он посмотрел на меня и сглотнул:

– Рука не поднимается, Джим. Может, попробуем что-то сделать?

– Убрать все это на место?

– Ну да. Мы же можем их все зашить одну за другой.

Я приподнял одеяло и вновь осмотрел рану.

– Трис, я просто не знаю, с чего тут можно начать. И ведь кишки все в грязи.

Он только молча смотрел на меня. Правда, особых убеждений мне не требовалось. Мне не больше Тристана хотелось заглушить эфиром это ласковое мурлыканье.

– Ну ладно, – сказал я. – Попробуем.

Голова кота скрылась под маской, побулькивал кислород, а мы промывали теплым физиологическим раствором выпавшие кишки. Однако удалить все комочки присохшей грязи было попросту невозможно. Затем началась невероятно медленная штопка множества отверстий в маленьких кишочках, но я вновь с радостью убедился, насколько гибки пальцы Тристана: он орудовал небольшими круглыми иглами куда более ловко, чем я.

Потрудившись так два часа и израсходовав ярды и ярды кетгута, я наконец положил иглу.

– Во всяком случае, Трис, он жив, – сказал я, когда мы начали мыть инструменты. – Посадим его на сульфапиридин и будем надеяться на лучшее.

Хотя антибиотиков тогда еще не существовало, это новое средство было значительным шагом вперед.

Дверь открылась, и в нее заглянула Хелен.

– Что-то ты долго, Джим... – Она подошла к столу и поглядела на спящего кота. – Бедняжка. И такой тощий!

– Видела бы ты его, когда мы за него взялись! – Тристан отключил стерилизатор и завинтил кран анестезирующего аппарата. – Сейчас он выглядит много лучше.

– А у него серьезные повреждения? – спросила Хелен, поглаживая пеструю шерстку.

– Боюсь, что да, Хелен, – сказал я. – Мы сделали, что могли, но он вряд ли выкарабкается.

– Жалко! Он ужасно симпатичный. Все лапы белые, а расцветка такая интересная. – Она провела пальцем по рыже-золотистым полоскам, просвечивавшим на серо-черном фоне.

Тристан засмеялся.

– В его родословной явно присутствует рыжий котище.

Хелен улыбнулась, но как-то рассеянно и задумчиво. Потом быстро вышла из комнаты и вернулась с картонкой.

– Да-да, – сказала она, что-то взвешивая. – Это ему для постели, и спать он будет у нас, Джим.

– Ах так?

– Но ему же требуется тепло, правда?

– Конечно. Тем более что ночи такие холодные.

Позже, в сумраке нашей спальни, я, засыпая, созерцал мирную сцену: по одну сторону камина – бигль Сэм в своей корзинке, по другую – кот на подушке в картонке под теплым половичком.

Бесспорно, было приятно сознавать, что мой пациент устроен так уютно, но, закрывая глаза, я подумал, что утром, возможно, все будет кончено.

Когда я открыл их в половине восьмого, то понял, что кот еще жив, – моя жена уже встала и беседовала с ним. Я подошел к ним в пижаме, и мы с котом поглядели друг на друга. Я почесал ему горло, а он открыл рот и испустил хриловатое «мяу». Но при этом не шевельнулся.

– Хелен, – сказал я. – У него в животе все держится только на кетгуте. По меньшей мере неделю он должен питаться исключительно жидкой пищей, хотя, вероятно, и при этом ему все равно не вытянуть. Если он останется здесь, тебе придется поить его молочком с ложечки чуть ли не каждый час. – Ладно, ладно... – Она снова погрузилась в задумчивость.

И все следующие дни она действительно то и дело поила его с ложечки, но не только молоком. Через регулярные промежутки ему в глотку лился мясной экстракт, костный бульон и всевозможные детские смеси. Как-то, вернувшись пообедать, я застал Хелен на коленях перед картонкой.

– Мы назовем его Оскаром! – объявила она.

– Он что, останется у нас?

– Да.

Я люблю кошек, однако в нашей тесной квартирке мы уже держали собаку, и мне представлялись разнообразные будущие трудности. Но я спросил только:

– А почему, собственно, Оскаром?

– Не знаю.

Хелен роняла каплю за каплей мясного соуса на красный язычок и внимательно смотрела, как кот глотает их.

В женщинах меня пленяет, в частности, их загадочность, их непостижимая логика, а потому я не стал спрашивать дальше. Но ход событий меня вполне удовлетворял. Я все еще давал коту сульфapiидин каждые шесть часов, а утром и вечером измерял ему температуру, по-прежнему ожидая, что она вот-вот стремительно подскочит, начнется рвота и напряженная брюшная стенка неумолимо возвестит о перитоните. Однако ничего подобного так и не произошло.

Казалось, инстинкт подсказал Оскару, что ему следует двигаться как можно меньше: во всяком случае, день за днем он лежал абсолютно неподвижно, поглядывал на нас... и мурлыкал.

Его мурлыканье прочно вошло в нашу жизнь, и, когда в конце концов он покинул свое ложе, прошествовал в нашу кухню и продегустировал обед Сэма, состоявший из мясных обрезков с сухарями, это была триумфальная минута. Я не стал портить ее опасениями, не слишком ли рано он перешел на твердую пищу. «Ему виднее», – про себя решил я.

С этой минуты было уже чистым наслаждением наблюдать, как тощее мохнатое пугало толстеет и наливается силой. Кот ел, ел, ел, и, по мере того как плоть нарастала на его костях,

черные и золотые полосы уже блестящей шкурки становились все ярче. Мы оказались владельцами удивительно красивого кота.

Когда Оскар совсем выздоровел, Тристан стал нашим постоянным гостем. Возможно, он считал – с полным на то правом, – что жизнью Оскар в первую очередь был обязан ему, а не мне, и часами играл с котом. Больше всего Тристан любил тихонько выдвигать ногу из-под стола и тут же отдергивать, прежде чем кот успевал в нее вцепиться.

Оскар (и его можно понять!) сердился на такое поддразнивание, однако он сумел показать характер: устроил однажды вечером засаду на Тристана и ловко укусил его за лодыжку, прежде чем тот вновь принялся за свои штучки.

На мой взгляд, Оскар очень украсил наш семейный очаг. С Сэмом они стали такими друзьями, что водой не разольешь. Хелен его просто обожала, а я, возвращаясь вечером домой, каждый раз думал, что умывающаяся у огня кошка придает комнате особый уют.

Оскар уже несколько недель был признанным членом нашей семьи, когда однажды Хелен встретила меня на пороге, расстроенная чуть не до слез.

– Что случилось? – спросил я.

– Оскар... он исчез...

– Как так – исчез?

– Джим, по-моему, он убежал!

– С какой стати? – Я посмотрел на нее с недоумением. – Он же часто в сумерках спускается в сад. Ты уверена, что его там нет?

– Совершенно уверена. Я обыскала весь сад, а заодно и двор. И по улицам ходила. Ты вспомни... – У нее задрожали губы. – Он ведь уже убежал от кого-то.

Я взглянул на часы:

– Почти десять. Да, странно. В такое время ему следует быть дома.

Я еще не договорил, когда внизу раздался звонок. Я кубарем скатился с лестницы, галопом обогнул угол коридора и увидел за стеклом миссис Хеслингтон, жену нашего священника. Я распахнул дверь – в ее объятиях покоился Оскар.

– Это ведь ваш котик, мистер Хэрриот? – спросила она.

– Да-да, миссис Хеслингтон. Где вы его нашли?

Она улыбнулась:

– Видите ли, это даже как-то удивительно. У нас было собрание Материнского союза, и мы вдруг заметили, что ваш котик сидит в комнате и слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.